

Посвящается Мартине

It's not the weight of the stone.
It's the reason why you lift it*.

*Хьюго Жирар,
самый сильный в мире
человек 2003 года*

*Главное — не вес камня. Главное — насколько тебе важно его поднять (*англ.*).

ПРОЛОГ

Если долго смотреть на что-то хорошо освещенное и потом закрыть глаза, то увидишь то же самое еще раз как негатив: он неподвижно замрет у тебя на внутренней стороне век; то, что было светлым, теперь темное, а то, что было темным, кажется светлым. Если, например, смотреть вслед мужчине, который уходит по дороге вниз, то и дело оборачиваясь, чтобы помахать тебе в последний, потом в самый последний, а потом в самый распоследний раз, и после этого закрыть глаза, то увидишь позади век остановленное навсегда движение самого распоследнего взмаха, замершую улыбку, и темные волосы мужчины запомнишь как светлые, а его светлые глаза — как очень темные.

Если то, на что долго смотрел, было чем-то значительным, чем-то таким, сказала Сель-

ма, что переворачивает всю твою пространную жизнь одним пластом, тогда эта остаточная картина видится тебе снова и снова. Пройдет и десять лет, и больше, а она вдруг снова тут, и не важно, на что ты, собственно, глядела перед тем, как закрыть глаза. Остаточное изображение мужчины, который машет в самый распоследний раз, внезапно появляется, если тебе, например, залетела в глаз мошка, когда ты чистила водосточную канавку. Оно появляется, когда ты хочешь на минутку дать глазам покой, потому что слишком долго смотрела на счет за коммунальные услуги, не понимая: когда, за что, почему. Когда вечером сидишь у постели ребенка, рассказываешь ему сказку на ночь и не можешь вспомнить, как звали принцессу или чем сказка кончается, потому что сама уже хочешь спать. Когда закрываешь глаза, потому что целуешь кого-то. Когда лежишь в лесу на земле, на кушетке у врача, в чужой постели, в своей собственной. Когда закрываешь глаза, поднимая что-то очень тяжелое. Когда провела весь день на ногах и остановилась, только чтобы завязать шнурок, и лишь теперь, головой вниз, замечаешь, что остановилась впервые за весь день. Оно появляется,

когда кто-то говорит: «Закрой глаза», — чтобы удивить тебя сюрпризом. Когда прислоняешься к стенке примерочной кабины, потому что последние из отобранных брюк тоже не подошли. Когда закрываешь глаза перед тем, как, наконец, решиться на что-то важное, например, сказать: «Я люблю тебя» или «А я тебя нет». Когда ночью жарить картошку. Когда закрываешь глаза, потому что кто-то стоит за дверью, кого ты совсем не хочешь впускать. Когда закрываешь глаза, потому что ушла большая тревога и нашелся кто-то или что-то, письмо, уверенность, сережка, сбегавшая собака, точное слово или ребенок, слишком хорошо спрятавшийся. Снова и снова вдруг появляется это остаточное изображение, единственное, совершенно определенное, оно появляется как заставка на экране в спящем режиме, и часто тогда, когда его совсем не ждешь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЫГОН, ВЫГОН

Когда Сельма сказала, что ночью видела во сне жирафа-окапи, мы были уверены, что кому-то из нас придется умереть, причем в ближайшие сутки. Почти так оно и случилось. Не сутки, а двадцать девять часов. Смерть немного запоздала, и это буквально: она вошла через дверь. Может, она потому и опоздала, что долго сомневалась, за кем прийти. До последнего мгновения выбирала.

Окапи снился Сельме три раза в жизни, и всегда после этого кто-нибудь умирал, поэтому мы твердо верили, что сон про окапи нераздельно связан со смертью. Таким образом действует наш рассудок. Он может за кратчайшее время устроить так, что самые далекие друг от друга вещи прочно связываются воедино. Кофейник и шнурки, к примеру, или стеклотара и елки.

Особенно преуспел в этом рассудок оптика. Назовешь оптику два предмета, не имеющие друг к другу никакого отношения, — и он установит между ними близкое родство. И теперь именно оптик утверждал, что последний сон про окапи никому не причинит смерти, что смерть и сон Сельмы совершенно никак не связаны. Но мы-то знали, что оптик тоже в это верил. Он-то в первую очередь.

Мой отец тоже говорил, что это совершеннейшая глупость и наша ересь происходит оттого, что мы впускаем в свою жизнь слишком мало внешнего мира. Он так всегда и говорил: «Вы должны впускать в себя побольше внешнего мира».

Он говорил это решительно и в первую очередь для ушей Сельмы, заранее.

Задним числом он говорил это куда реже.

Жираф-окапи — это непутевое животное, куда более непутевое, чем смерть, он и выглядит ни к селу ни к городу со своими зебровидными голеньями, бедрами тапира, жирафьим ржаво-рыжим телом, со своими косульими глазами и мышинными ушами. Окапи абсолютно неправдоподобен, в реальности

не меньше, чем в роковых снах селянки из Вестервальда.

Окапи и официально-то открыли в Африке недавно, всего восемьдесят два года назад. Он — последнее крупное млекопитающее, открытое человеком; по крайней мере, человек так думает. Может, это и верно, потому что после окапи уже ничто не может появиться. А может, кто-нибудь уже и раньше открывал окапи, но неофициально. Или при виде окапи думал, что видит сон или потерял рассудок: ведь окапи, особенно внезапный и неожиданный, кажется химерой сновидения.

Но уж никак не роковым зверем. Он вообще не может показаться роковым, даже если постарается, что он, насколько известно, делает очень редко. Даже устрой окапи во сне Сельмы так, что вокруг него кружат сычи и вороны (ведь они-то и обеспечивают всю роковизну), он бы все равно производил впечатление очень кроткого животного.

Во сне Сельмы окапи стоял на лугу, вблизи опушки леса, в том месте схождения полей и лугов, которое у нас называется «ульхек». Ульхек означает «совиный лес». Местные вестервальдцы многое говорят по-другому и короче, чем оно есть на самом деле, потому

что они не любители поговорить и стараются скорее покончить с разговорами. Окапи выглядел в точности так, как в действительности, и сама Сельма выглядела в точности так, как в действительности, то есть как Руди Каррелл, ведущий телешоу.

Абсолютное сходство между Сельмой и Руди Карреллом нам, как ни странно, не бросалось в глаза; надо было, чтобы годы спустя кто-то пришел со стороны и указал нам на это. И тогда это сходство сразило нас со всей подобающей силой. Длинное, худое тело Сельмы, ее осанка, ее глаза, нос, рот, волосы: Сельма с головы до ног так сильно походила на Руди Каррелла, что он с тех пор в наших глазах стал не более чем бракованной копией Сельмы.

Сельма и окапи стояли во сне на ульхеке совсем тихо. Окапи повернул голову направо, к лесу. Сельма стояла в нескольких шагах от него. На ней была та же ночная рубашка, в какой она спала в реальности — когда в зеленой, когда в голубой или белой, всегда по щиколотки, всегда в цветочек. Она опустила голову, глядя на свои старые пальцы в траве, скрюченные и длинные, как и в жизни. На окапи она поглядывала лишь изредка